

քաջերից շղթայված թագավորի թուշունը)՝ Այս թուշունը (իրիս), որ եգիպտացիների կողմից պաշտվում էր, օծահալած է, ումանք դրսում են, որ նաև օծակեր է, իբր սրա ձվում է դոշանում արքայիկ օձը:

«Պատմություն Համասփյուռ ծաղկին» գրույցում վերոհիշյալ հրաշապատումների կողքին նշվում են Համասփյուռի աճման վայրերը. «Երթի Բասեն և խնդրեա զգեղն, որ կոչի Գարոյնս ուր չերմուկն է». «Եւ այլք ասացին թէ գտանի ծաղկին ի Սուրմարի դեղըն որ կոչի Զողկերտ (կամ Յողկերտ—Ս. Ա.)»: Յողկերտը հին ուրարտական ամրոց է եղել, որտեղ գտնվել են սեպագիր արձանագրությունները⁶:

Ղ. Ալիշանը բուսաբանների հավաքած նյութերի հիման վրա Համասփյուռը մեխակազգիների ընտանիքի *Lychnis* ցեղի մի տեսակ է համարում: Նորագույն հետազոտությունները պարզել են, որ դա նույն ընտանիքի *Melandrium* ցեղին է պատկանում: Թուսերեն դրեմա է կոչվում⁸: Թուսներն ունեցել են դրեմա կոչվող պաշտամունքային շուրջպար: Թուղուլֆ

Բլաումունիսի «Օրորոցային» երգում դրեմա-ն մի ոգի է, որ շրջում է տան մոտ ու որոնում իր սպիտակ ծաղիկը: Սաղիկը գնում են նրանների օրորոցներում, քուն բերելու համար:

Возле дома бродит дрема
Где мой беленький цветок?
Баю-баю, бродит дрема
Ищет в сумерках цветков...
Принеси его и тихо
В изголовье положи
Баю-баю, тихо-тихо
в колыбельку положи⁹.

Այս վերջին փաստերը ցույց են տալիս, որ Համասփյուռ ծաղիկը պաշտամունքի անորկա է եղել նաև այլ ժողովուրդների մոտ: Պետք է հուսալ, որ հետագա որոնումները հնարավորություն կտան հարստացնելու, ամբողջացնելու և վերականգնելու Համասփյուռի վերաբերյալ հին պատկերացումները:

Ս. ԱՎԵԱՆԻՅԱՆ

ДВА НОВООТКРЫТЫХ ПАМЯТНИКА МНОГОАПСИДНОЙ КОМПОЗИЦИИ

Среди разнообразных композиций средневековой армянской архитектуры наиболее оригинальный ее отдел составляют многоапсидные памятники. Отличительной особенностью этих сооружений является их близкая к круглой конфигурация, которая сильно централизует подкупольное пространство, что хорошо понимали древние зодчие уже в эпоху раннего христианства.

Преобладающее большинство многоапсидных сооружений были часовнями или гробницами. Наиболее древними памятниками этой композиции являются гробница Кальвентиев (III в.), мавзолей Диоклетяна (305 г.), мавзолей Галерия (306 г.) и храм Нимфей Миневра Ме-

дика (IV в.)¹. Этим сооружениям свойственна монолитность внешнего контура купола с нижней ротондой. В отличие от этих сооружений купол многоапсидных композиций Армении возвышается на барабане, который в диаметре значительно уступает размеру нижней ротонды и тем самым расчленяет композицию внешнего контура на два яруса. Аналогичную композицию имеет церковь св. Виталия в Равенне (547 г.)². Однако членение внешнего контура посредством разномерности купола и основания здесь осуществлено не расширением подкупольного пространства, а наличием кольцевой галереи, охватывающей центр.

В мировой архитектуре последующих веков многоапсидные сооружения большого распространения не находят. В армянской же архитектуре они продолжают строиться до XIII в. и достигают

⁹ Р. Блауманис, Стихи, М., 1971, էջ 20—21.

¹ «Всеобщая история архитектуры», т. II, М., 1973, стр. 530—541, 573—574, 658—661.

² «Всеобщая история архитектуры», т. III, Л.—М., 1966, стр. 73—74.

⁶ Մ. Քաջունի, Բաղդիրը արվեստից և դիւստիջանց, Վենետիկ, 1891:

⁷ Մ. Սմբատյան, Տեղագիր Գեղարքունի ծովազարդ գավառի, Վաղարշապատ, 1895, էջ 769 («Մասիս լեռան հյուսիսային ստորոտում եղած ընդարձակ ավերակների մեջ, սկսած Փառախոտից (Արհաջ) մինչև Յոլակերտ (Տաշրուռուն), որոնց միջոցումն է հին քաղաքատեղին Արշակաւան»):

⁸ «Բույսերի անունների լատին-հայ-ուսա բանարան», Երևան, 1962:

Большого разнообразия. Среди первых многоапсидных сооружений, относящихся к раннему средневековью, в армянской архитектуре известны восьмапсидные церкви в Егварде и Иринде (вторая половина VII в.).

с уверенностью считать небольшую церковь в Арзни (VI в.)⁴.

Причина большого распространения многоапсидных композиций в армянской архитектуре заключается в сущности и логике последовательного развития на-

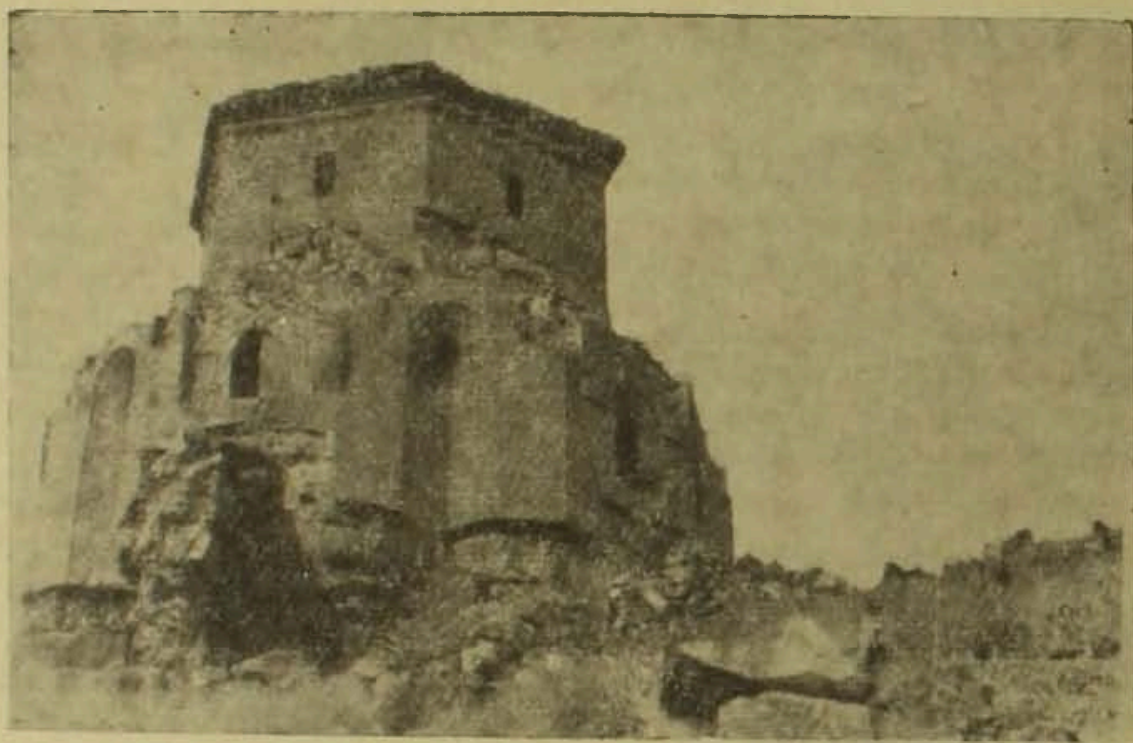

Рис. 1.

Исключительным богатством архитектурных форм отличались многоапсидные композиции X—XIII вв. в Ани. На основе отличительных признаков эти композиции можно разделить на три типа: а) шестиапсидные церкви с внешними нишами (церковь св. Григора, X в.)³ или внешним повторением полукруглых форм апсид (Девичий монастырь, XIII в.), б) шестиапсидная композиция с трехъярусной конструкцией (Пастушья церковь, XI в.), в) наконец, восьмапсидная церковь без ниш, в виде двух ротонд (церковь Спасителя, XI в.). В XIII в. по традиции многоапсидных композиций в ротонду или многогранник заключали и тетраконху; непосредственным предшественником подобной тетраконхи можно

циональной архитектурной мысли, стремящейся к возможно большей централизации объемно-пространственных композиций⁵. Поэтому особая акцентировка пропорции по вертикальной оси и породила необходимость членения внешнего контура на ярусы, так как в этой композиции, во-первых, подчеркивается вертикальная ось, а во-вторых, осмысливается купол как таковой. С этой точки зрения выдаю-

⁴ См. Գ. Երիզրյան, Արզնի բնակավայրի եկեղեցին, «Լրաբեր», Կիև, 1971, № 7, стр. 76—82.

⁵ Стремление к централизации охватывало все типы архитектурных композиций и в последовательном развитии приобрело характер неуклонной и сугубо целевой эволюции. См. А. Л. Якобсон, Очерк истории зодчества Армении V—XVII веков, М.—Л., 1950, стр. 21; «Ազնարկ հայ ճարտարապետության պատմության», Երևան, 1964, стр. 165.

³ Этот тип самый распространенный. Внешние ниши имеют и древнейшие многоапсидные церкви Армении.

шимся явлением в воплощении одухотворенного христианского идеала можно считать трехъярусную композицию Пастушьей церкви в Ани⁶.

Среди этого разнообразия многоапсидных композиций шестиапсидные были известны по сооружениям г. Ани и провинции Танк. Однако новые открытия способны не только расширить границу их распространения, но и отодвинуть назад время появления многоапсидных конструкций в армянской архитектуре.

Один из новооткрытых памятников находится в Талинском районе, на восточном берегу р. Ахурян, в 5 км западнее села Арагац (рис. 1). Неизвестная в специальной литературе церковь расположена в ущелье, недалеко от берега реки, на небольшой площадке у обрыва, с трех сторон окруженная скалами. Построена она из хорошо обтесанного желтоватого туфа. Церковь стоит на четырехступенчатом стилобате, однако с северной и восточной стороны ее окружают огромные глыбы камней, нагромоздившиеся одна на другую в результате оползней. Апсиды имеют снаружи трехгранную форму и подчеркнуты широкими нишами. Восточная и северо-восточная апсиды окон не имеют. Окна на остальных апсидах, расположенные довольно высоко, широки и обрамлены огромными бровками без орнамента. Некогда роскошный портал с треугольным фронтоном и широкой аркой разрушен; остались только его следы на внешней стороне западной апсиды. Купол с шестигранным барабаном наиболее примечателен и интересен с конструктивной точки зрения. Его верхнюю часть венчает двухрядный карниз. Апсиды изнутри подковообразны, затем углублены сильно выступающими беспрофилированными пилонами, которые сопряжены со стенами апсид дугой того же радиуса. Пилоны завершаются полусферической конхой, которая расположена выше апсидных конх и вместе с ними составляет оригинальную двухъярусную конструкцию.

Вопрос датировки церкви зависит ис-

ключительно от анализа архитектурных форм и конструктивных особенностей, ибо в средневековой литературе свидетельств о ней нет. Среди указанных особенностей, содержащих в себе хронологическую характеристику, в первую очередь следует обратить внимание на многоступенчатый стилобат, который встречается только в раннем средневековье и преимущественно до VII в.; в VII в. подобные стилобаты уже не встречаются. В научной литературе это подчеркивалось не раз. Среди известных памятников раннехристианского периода многоступенчатые стилобаты имеют церкви Касаха (IV в.), Карнута (IV в.), Ереруйка (IV—V вв.), Текора (конец V в.), Зовуни (конец V в.) и др.

Для общей хронологической характеристики определенное значение имеет композиция оформления входа с арками и колоннами под треугольным фронтоном. Подобную композицию имеют входы Касаха, Ереруйка, Текора. В армянской архитектуре она бытует до VII в. (Мастара—VI в., Аван—VI в., Рипсима—618 г., Аруч—668 г.).

Характерной хронологической деталью церкви являются довольно широкие окна, аналогичные окнам раннесредневековых⁷ церквей, в частности Касаха, Ереруйка, церквей в Аване, Багаване (639 г.)⁸, Аруче и др. Обращают на себя внимание массивные, украшенные линейным профилем бровки окон. По сравнению с роскошными орнаментами, отличающими бровки окон церквей VII и последующих веков, подобный декор архаичен и сходен с декором на бровках памятников IV—VI вв. Согласно Н. М. Токарскому, такие бровки старше VII в. и характерны для церквей раннехристианского периода⁹.

Среди конструктивных особенностей церкви единственным элементом сравнительно анахронического характера могут быть ниши между апсидами, которые обычно датируют началом VII в. (Рипсима, 618 г.).

⁷ Բ. Բ ր ա ճ ա ն յ ա ն, Նյութեր..., I, стр. 105.

⁸ Н. А. Орбели, Избранные труды. Ереван, 1963, стр. 459—460.

⁹ Н. М. Токарский, Архитектура Армении IV—XIV вв., стр. 154.

⁶ См. Բ. Բ ր ա ճ ա ն յ ա ն, Նյութեր հայ ճարտարապետության պատմության, I, Երևան, 1942, стр. 319, 338—340; Н. М. Токарский, Архитектура Армении IV—XIV веков, Ереван, 1961, стр. 209—210.

Однако если учесть многоапсидность композиции при большой толщине стен¹⁰, хронологическая постановка этого вопроса не может иметь решающего значения для обязательного датирования церкви VII веком¹¹, так как в остальных деталях она убедительно датируется более ранним временем. В этом отношении особое зна-

ды, а второй возвышается на пилонах и верхней арке первой конхи. Такая конструкция уникальна. Обращает на себя внимание отсутствие оконного проема в главной апсиде, характерное для памятников самого раннего периода (Джарджарис, Карпут, Цицернаванк, все—IV в., и др.) (рис. 2).

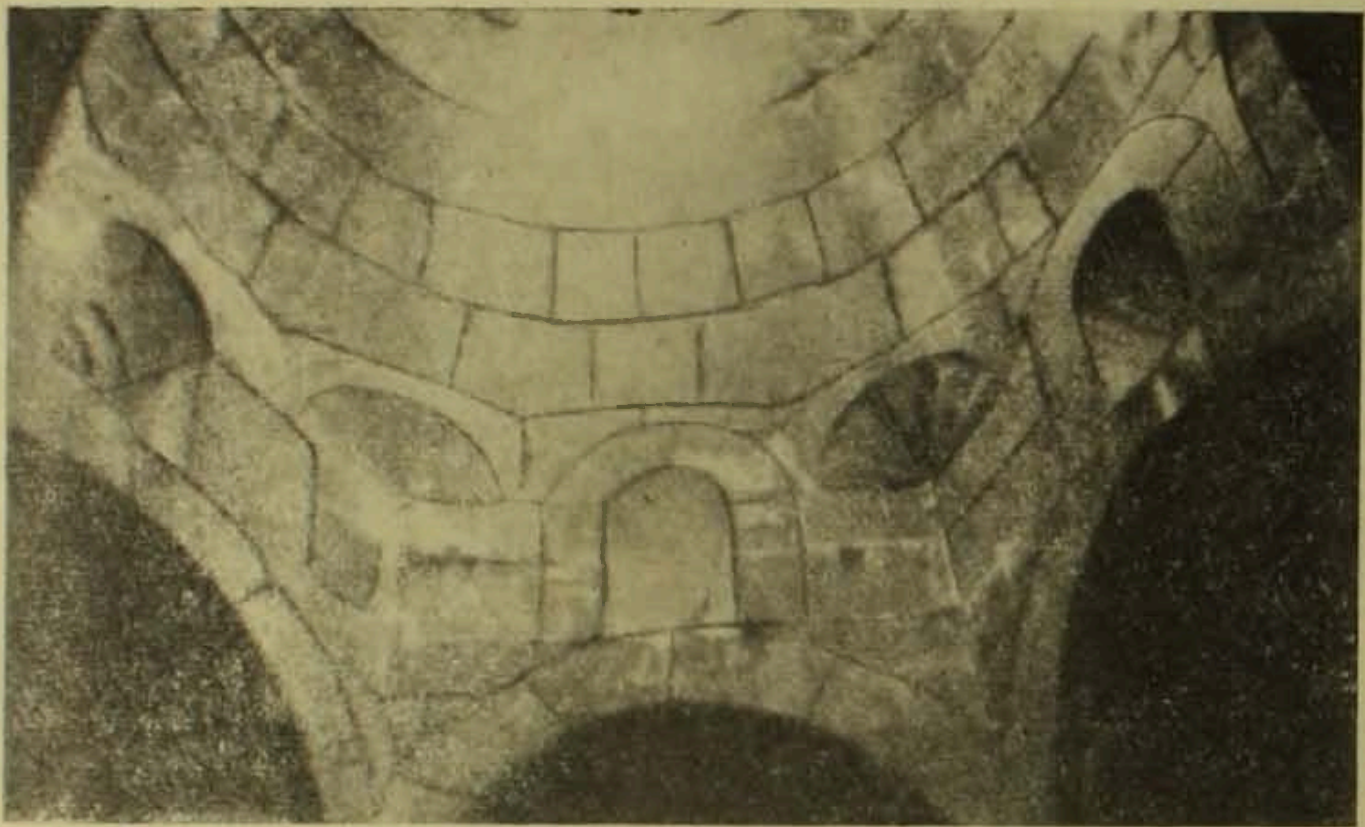

Рис. 2.

чение имеют подковообразные формы экседра, углубленные вогнутыми пилонами: подковообразные апсиды и арки характерны для памятников IV—V вв.¹² Изредка они встречаются и в памятниках VI—VII вв. Особый интерес представляет двухконховое перекрытие апсид. Первый ярус перекрывает глубинную часть апси-

Среди многообразных деталей и конструктивных особенностей, по которым можно судить о времени построения памятника, важное место занимает купол. С конструктивной точки зрения купол отличается исключительной архаичностью. Шестигранный барабан опирается на арки внешних конх без посредства тромпных парусных переходов и подкупольного карниза. Тромпы из цельного камня расположены в два ряда непосредственно под сферическим перекрытием. Нижние тромпы вдвое крупнее верхних и украшены веерообразно расходящимися линиями. В такой конструкции барабана и в его связи со сферическим перекрытием, несомненно, можно усмотреть ярко выраженный архаизм.

Отметим, что купол к тому же—единственная часть церкви, сохранившая на карнизе орнаментальное оформление. К сожалению, не осталось ни одного камня из карниза апсид. Разрушен также вход, вероятно, имевший характерное оформле-

¹⁰ Толщина стен больше одного метра; при небольших размерах церкви это весьма внушительно. На такую хронологическую особенность впервые обратил внимание Т. Тораманян, см. *Թ. Թորամանյան, Նշանակությունը...*, I, стр. 113.

¹¹ Н. М. Токарский, *Архитектура Армении IV—XIV вв.*, стр. 151.

¹² *Թ. Թորամանյան, Նշանակությունը...*, I, стр. 105; Н. М. Токарский, *Архитектура Армении IV—XIV вв.*, стр. 147, 149; А. Л. Якобсон, *Очерк истории зодчества Армении V—XVII вв.*, стр. 12.

ние. Церковь оформлена подчеркнуто строго и привлекает в основном монументальной гармоничностью архитектурных форм, на которой акцентирована выразительность образа.

Главной декоративной деталью сооружения были карнизы и, возможно, вход. Однако карниз купола заметно выделяется на строгом фоне остального оформления именно загруженностью декоративными элементами. Хотя и естественно предполагать, что купол как наиболее осмысленная часть архитектурного образа должен быть подчеркнут соответствующим образом, однако по логике эстетического восприятия загруженность в оформлении отрицается принципиально. Во всяком случае сомнение в первоначальности этого карниза вызывается далеко не только впечатлениями.

Как уже было сказано, карниз состоит из двух ступеней, причем верхняя значительно поднимает стены барабана над сферическим перекрытием и тем самым свидетельствует о поздней надстройке, так как нижняя ступень больше соответствует необходимому и обычно распространенному уровню. Верхний карниз одновременно отличается более темным цветом камня, а главное, характерным декором, имеющим иную хронологическую характеристику. Он украшен сухариками с подковообразными арками, на которых параллельно аркам проведена вырезная линия. Под этими сухариками следует второй ряд небольших плоских трапецевидных сухариков. Всю ступень завершает круглый в разрезе пояс. Все это сделано из одного камня и поставлено на уже имеющийся карниз, который, кстати, вместе со стенами барабана имеет подчеркнуто монолитную форму. Нижний карниз значительно проще верхнего; состоит он в основном из квадратной фронтальной части, нижняя часть которой, имеющая вогнутую форму, постепенно сшивается со стеной.

Принимая во внимание указанные особенности, приходится признать, что верхний карниз добавлен позже. Сравнительный материал показывает распространённость мотивов верхнего карниза в VI—VII вв. (Мастара, Мрен, Гарнаовит,

Аламан и т. д.)¹³. Это значит, что не позже первой половины VII в. купол был реставрирован, из чего следует, что церковь была построена до VII в. Анализ конструктивных особенностей позволяет считать датировку церкви первой половиной VI века наиболее вероятной. Отсутствие письменных свидетельств затрудняет более точное решение вопроса

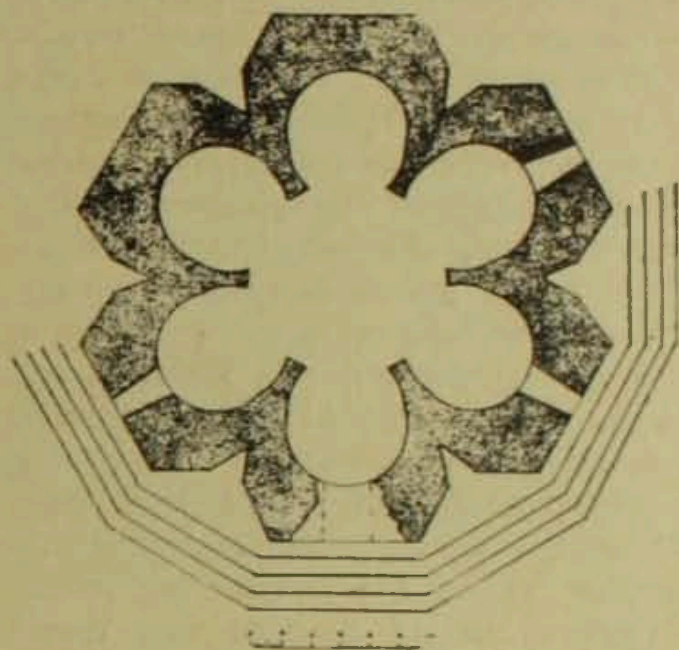

Рис. 3.

о времени и обстоятельствах построения. Однако, учитывая архаичные признаки архитектуры здания, предлагаемая датировка кажется достаточно убедительной.

При тщательном осмотре стен на бровке окна северо-восточной грани барабана купола были обнаружены остатки сильно выветрившейся надписи. Ясно видны две аркообразные линии, затем следует лагуна, после которой ясно читается Буква Գ, левая часть буквы Ո и буква Բ полностью. Несмотря на повреждения, легко восстанавливается имя ԳԵՂԵՅՈՐ. Как уже не раз было подчеркнуто исследователями, изолированное от определенного текста, крупными красными буквами высеченное имя в армянской эпиграфике может быть только именем архитектора¹⁴. Таким образом, мы

¹³ Н. М. Токарский, Архитектура Армении IV—XIV вв., стр. 152.

¹⁴ Գ. Հովսեփյան, Նյութեր և ուսումնասիրություններ հայ արվեստի և ճշգրտության, Նյութեր, 1944, Դ, стр. 27; Ս. Բարխուդարյան, Միջնադարյան հայ

приобретаем новое и, что особенно важно, самое древнее сведение об армянском архитекторе в лице этого Григора.

Что касается самой церкви, то ее значение трудно переоценить: это древнейшее многоапсидное сооружение в армянской архитектуре. Оно старше ранее известных памятников VII в. в Иранде и Егварде (рис. 3).

Вторая церковь также находится в Таллинском районе, на 3—4 км южнее первой, среди развалин города Багарана, на левом берегу р. Ахурян. Помимо общезвестной церкви св. Теодороса в литературе упоминаются еще четыре багаранские церкви, крепость и мост. Крепость находится на правом берегу реки в северной части нынешнего села. Одна из церквей носит имя св. Георга и расположена у крепости. Эта церковь типа поздней базилики построена, по преданию, над могилой полководца Георга Марзпетунни. Вторая церковь стояла в селе, в начале века была полуразрушена¹⁵. О ее архитектуре и времени построения никаких сведений нет. Третья церковь находилась к северу от крепости. О ней тоже ничего не известно. Наконец, четвертая церковь стоит на вершине остроконечной скалы (это единственное сооружение, построенное на левом берегу реки). Упомянутые церкви, а также крепость не подвергались специальному изучению, и о большинстве из них был известен лишь факт их существования¹⁶. В настоящее время существуют лишь последняя церковь и полуразрушенная церковь св. Георга. Четвертая церковь упоминается только у Алишана, однако весьма неопределенно. У местных жителей она известна как церковь св. Шушаник. На месте мы обнаружили не одну церковь, а целый комплекс сооружений, свидетельствующий о некогда существовавшем монастыре. Сейчас там есть шес-

тапсидная церковь, развалины тетраконхи и небольшого сооружения в северо-восточном углу тетраконхи, вероятно, служившего приделом. Вокруг этих построек имеются остатки крепостных стен и разных помещений жилого и коммунального назначения.

Центральным сооружением обители является шестиапсидная церковка, расположенная в северной части комплекса. Благодаря своей сохранности она сейчас возвышается над руинами (рис. 4; фотоснимок сделал П. Кунео). Сооружение стоит на глыбах скалистой основы, подравненной необтесанными камнями и невысоким стилобатом. Местами фундамент обвалился, а с восточной стороны под главной апсидой образовалось сквозное отверстие. Стены облицованы гладко выровненным красноватым туфом и скреплены известковым раствором. По сравнению с арагацской церковью стены значительно тоньше (74 см), между апсидами есть треугольные ниши, благодаря которым наружные стены апсид приобретают пятигранную форму. В отличие от арагацской церкви барабан купола круглый, что может служить достаточно веским основанием, чтобы не датировать церковь периодом раннего средневековья. Однако имеются и анахронические элементы, в том числе черепичная кровля сферического перекрытия купола¹⁷. Нам кажется, однако, что это не должно быть безусловным хронологическим препятствием, так как хотя подобная кровля была единственной в раннем средневековье, не представляется логичным на этом основании отрицать возможность единичных случаев ее появления в более позднее время, особенно если против этого свидетельствуют конструктивные особенности сооружения, в частности круглый барабан купола. Следующим анахронизмом является общее сходство с арагацской церковью, выраженное в плановом решении. Здесь тоже апсиды значительно углубле-

ճարտարապետներ և քարգործ վարպետներ, Երևան, 1963, стр. 22; Ա. Մանուշարյան, Արձանագրման մի ամանակահատվածներ, «Իրարեր», համ. գիրք, Երևան, 1970, № 6, стр. 71—74.

15 Բ. Քորաճյանյան, Նյութեր..., I, стр. 133.

16 Բ. Քորաճյանյան, Նյութեր..., II, Երևան, 1948, стр. 195; Ղ. Ալիշան, Այրարատ, Վենետիկ, 1890, стр. 66—67.

17 На черепичное перекрытие как на хронологический признак впервые обратил внимание Т. Тораманян (см. Բ. Քորաճյանյան, Նյութեր..., I, стр. 290). См. также: Н. М. Токарский, Архитектура Армении IV—XIV вв., стр. 177.

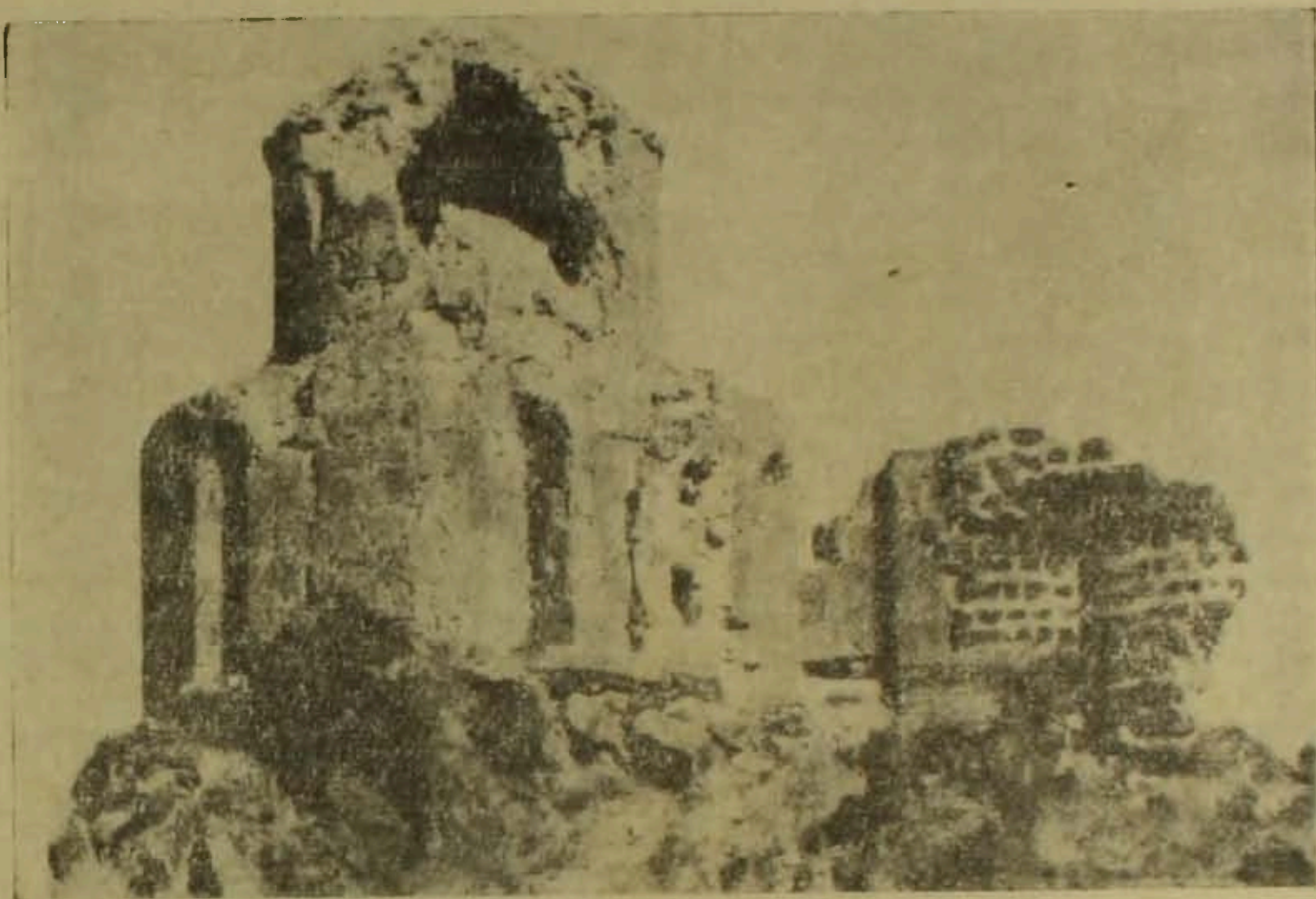

Рис. 4.

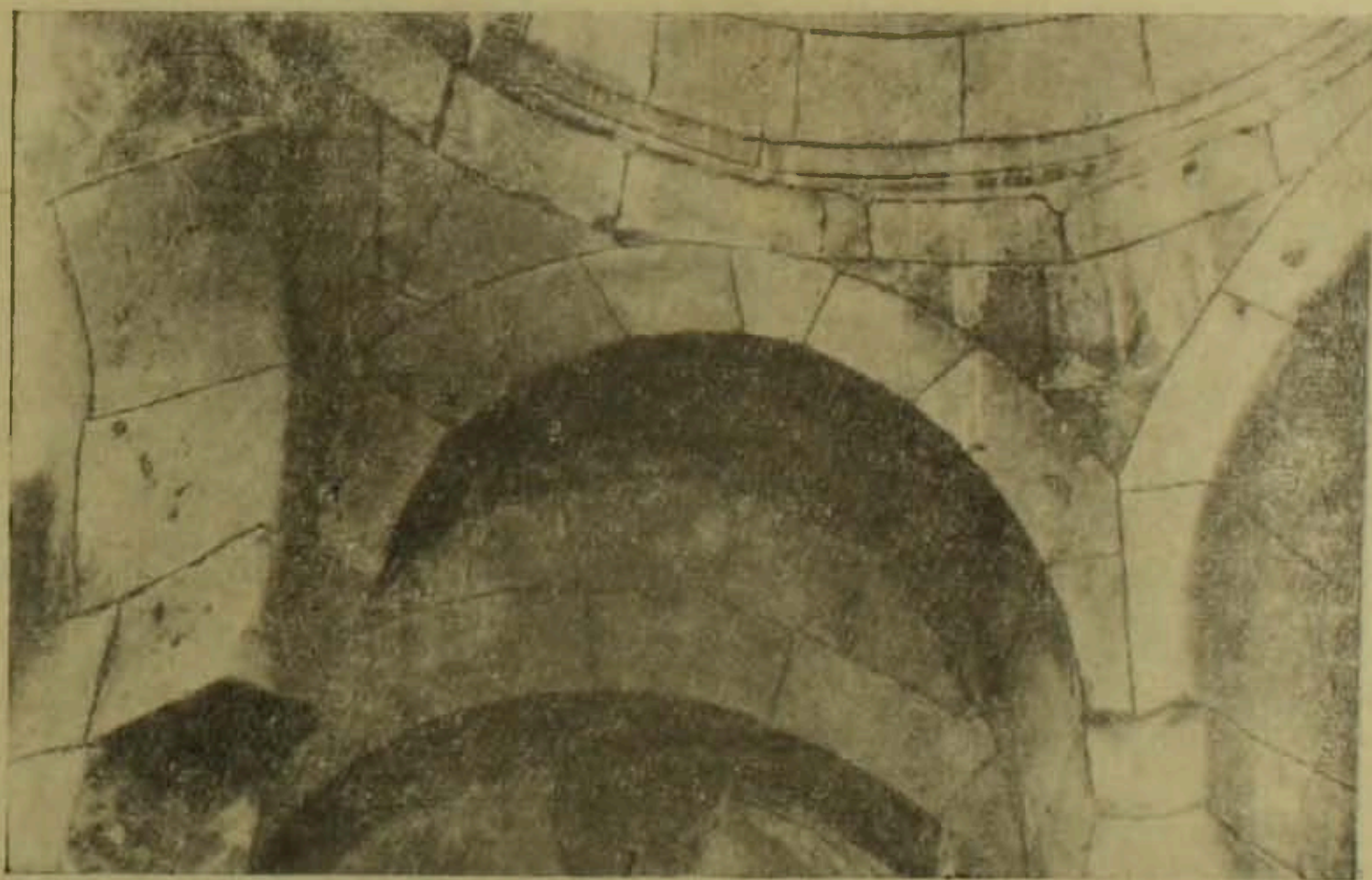

Рис. 5.

ны сильно выступающими пилонами, на которых, как и в арагацской церкви, возвышается второй ряд перекрытия (рис. 5). Отличие в том, что второй ряд здесь имеет конструкцию не конхи, а арки. Конструкция сама по себе весьма оригинальна, в ней обнаруживается непосредственное влияние арагацской церкви, особенно если учесть, что другого примера двухъярусной конструкции конхи в архитектуре многоапсидных сооружений не существует. Таким образом, несмотря на явное стремление повторить конструкцию арагацской церкви, архитектор задался целью одновременно упростить ее. Следует еще подчеркнуть, что в отличие от арагацской церкви здесь употреблены паруса, а главное, что они расположены между арками, под барабаном купола, и наконец, что барабан соединен с основанием небольшим карнизом, венчающим всю конструктивную систему подкупольного яруса. На барабане купола имеются четыре оконных проема, из которых западный разрушен; это единственная разрушенная часть здания. Из апсид окно имеют только восточная и западная. На всех окнах бровки отсутствуют.

Наиболее любопытной частью церкви являются два дверных проема. Второй вход в таком маленьком сооружении на первый взгляд кажется совершенно неуместным, особенно если учесть, что церковь возвышается над огромным пространством и, следовательно, омывается токами воздуха, значительно выветрившими стены. Объяснение этого факта, как показало исследование расположения пристройки, заключается в небольшой реконструкции церковки с целью создания сообщения между нею и тетраконхой. Исследование обоих входов привело нас к выводу, что первоначально западный вход, так как он традиционно украшен колоннами и аркой. В отличие от западного входа другой, пробитый в юго-западной апсиде, совершенно лишен оформления и поэтому вызывает сомнения в своей первоначальности. Главное, он находится на расстоянии одного метра от северной апсиды тетраконхи, с которой соединен небольшой стеной коридора. На основании вышесказанного можно с уверенностью заключить, что хронологи-

чески многоапсидная церковь предшествует тетраконхе и что строительство последней послужило причиной появления второго входа.

От тетраконхи сохранилась лишь западная половина северной апсиды и ее продолжение—северная половина западной апсиды, и то относительно, так как полностью сохранились лишь внутренние стороны упомянутых стен и небольшая наружная часть стены северного угла северной апсиды. На основании профилей, соединяющих апсиды, и размеров апсид мы предположительно восстановили плановую композицию церкви и ее общие размеры. Все указанные части стен выложены из того же красноватого хорошо обтесанного туфа и сильно отличаются от остальной сохранившейся наружной поверхности стен, выложенной из плохо обработанного, не отделанного камня, сглаженного известковым раствором. С конструктивной точки зрения северная часть северной апсиды отличается от остальных частей тем, что она имеет граненую форму. Однако эта часть апсиды очень грубым клинообразным швом соединяется с полукруглым продолжением. Имея в виду идентичность кладки стен в северной части северной апсиды и внутренней стороны апсид, мы полагаем, что первоначально наружные стены апсид тоже были выложены из обтесанных камней, а главное, имели пятигранную форму и во время раставрации были переделаны в полукруглые.

От третьего сооружения по существу осталась лишь северная половина апсиды. Загадочным в этой церковке является вопрос ее северной стены, которая, вероятно, никогда не существовала. На ее месте имеется небольшая ровная площадка, примыкающая к утолщенной южной стене многоапсидной церкви. На площадке построены четыре ступеньки, ведущие к глухой стене. Можно предположить, что это сооружение имело и второй этаж в виде колокольни, и эти четыре ступеньки были достаточны для того, чтобы дотянуться до веревки колокола. Однако как расположение ступенек, так и отсутствие северной стены наводит на мысль, что через указанный коридор многоапсидная церковь сообщалась не только с тетраконхой, но и с этим со-

оружением, которое, вероятно, было укорочено во время постройки тетраконхи благодаря своему расположению и приспособлено под придел (рис. 6).

Хронологической особенностью этой пристройки является ее конструктивная связь с многоапсидной церковью. Для большей прочности и для закрытия северной стороны между сооружениями построена невысокая (на уровне высоты наружных ниш) стена, которая приходится на пространство между апсидами юго-западной и юго-восточной стороны, между которыми из-за этой пристройки отсутствует ниша. Стена в этой части совершенно ровная и на ней нет каких-либо следов заполнения ниши, что является веским доводом, свидетельствующим об одновременности этих двух построек.

На основании всего изложенного можно заключить, что сначала были построены многоапсидная церковь и небольшая колокольня, куда входили через площадку у ступенек. Второй этап строительства, судя по технике кладки камней тетраконхи, не намного отдален от первого; в это время была построена тетраконха и переделана в придел колокольня. Близкое расположение сооружений, требовавшее переделки старых сооружений, очевидно, диктовалось ограниченностью места. На такое предположение, помимо прочего, наталкивает форма площадки, западная часть которой обрезана под углом, соответствующим северо-восточной грани северной апсиды тетраконхи. Скопление культовых сооружений на небольшом участке—верное свидетельство превращения церкви в монастырь. Именно поэтому следует полагать, что остальные жилые и коммунальные сооружения построены на втором этапе строительных работ.

Конструктивные особенности многоапсидной церкви указывают на период IX—XI вв. как на время ее построения. Для более точной датировки необходимы свидетельства письменных первоисточников. Эпиграфические материалы на этот счет отсутствуют, однако имеются сведения в средневековой исторической литературе. О строительстве церкви в Багаране Иоанн Драсханакертци пишет: «Իսկ նա ի սկզբն սպարապետացաւ պաշտպանութեան խորհուրդ բարեաց զառաւր արկեալ՝ շինէ

ապա զսկնապաշտոն եկեղեցին Բագարունու, որ ի վերայ Ախուրեան գետու. և զարդարէ բաղում և երեկի սպասուր, և առնէ նաւակատիս աստուածային զոգցես պատշաճութեամբ»¹⁸ («Вскоре после того, как он унаследовал спарпетство, задумал доброе: самому же построить роскошную церковь в Багаране, что на берегу реки Ахурян, и украсил многочисленной великолепной утварью и почти с божественной пристойностью принял ее освящение»). Здесь речь идет об Ашоте Багратуни, сыне Шапуха

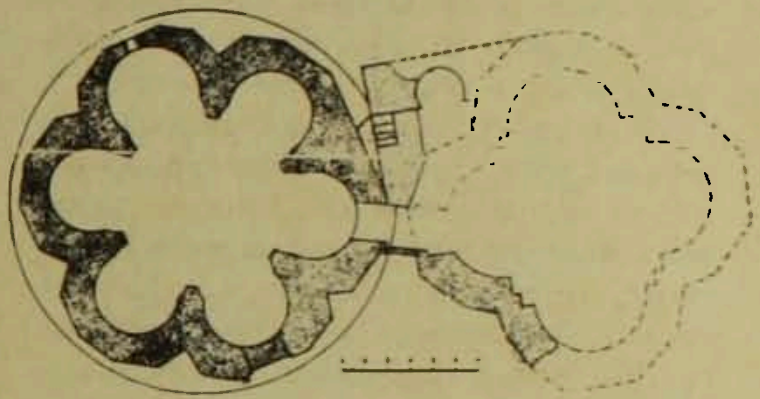

Рис. 6.

Багратуни. Таким образом, он построил церковь в первые годы после того, как унаследовал в 914 г. титулы и должности своего отца. Следовательно, церковь могла быть построена в 914—918 гг. Однако Драсханакертци не уточняет, какую именно церковь в Багаране построил Ашот Багратуни. Этот пробел можно восполнить с помощью хронологического анализа памятников. Как известно, багаранские церкви построены в VII в. Исключение составляет лишь этот комплекс и церковь св. Георга. Последняя исключается, так как это поздняя базилика. Поскольку архитектурные формы исследуемого памятника характерны для X в., свидетельство Драсханакертци может относиться только к строительству многоапсидной церкви. Согласно тому же Драсханакертци, Ашот по ее окончании возводит еще одну церковь в Кохбе, то есть свою строительную деятельность в Багаране он ограничил постройкой этой церкви, и остальные сооружения воздвигнуты уже не им.

¹⁸ «Յովհաննու Կաթողիկոսի ցրաւրանակերտեցոյ պատմութիւն հատոս». ԹԻՖԼԻՍ, 1912, стр. 194.

Рассмотрение двух многоапсидных церквей выявило их двоякую ценность. Во-первых, благодаря арагацской церкви время появления многоапсидных композиций в Армении отодвигается назад более чем на сто лет. Во-вторых, два новых памятника значительно обогащают группу церквей этого типа, а главное, сви-

детельствуют о разнообразии конструктивных средств, применявшихся в этих композициях. Наконец, большое значение имеет обнаружение имени архитектора Григора, строителя арагацской церкви. Это самое древнее упоминание об армянском архитекторе.

А. МАНУЧАРЯН

ПОЗДНЕУРАРТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ОШАКАНСКОГО МОГИЛЬНИКА

В центре села Ошакан Аштаракского района, одного из древнейших поселений Араратской равнины, расположенного в 25 км к западу от Еревана, возвышается крупный холм вулканического происхождения, который местные жители называют Диди-кондом. На его вершине видны следы небольшой крепости, замеченной еще Т. Тораманяном¹. С северо-востока к Диди-конду примыкает сравнительно низкий малый холм, отделенный от первого небольшой седловиной. На склонах обоих холмов (за исключением южных) находятся древние погребальные поля, которые в древности занимали также часть современного села. Южный склон большого холма обрывистый, у его основания расположено крупное армянское кладбище IV—XV вв., на котором сохранилось множество могильных камней и хачкаров. Неподалеку от кладбища находится позднесредневековая церковь и усыпальница создателя армянской письменности Месропа Маштоца, сооруженная на месте старой часовни. На северном склоне малого холма расположены дворцовые сооружения, состоящие, насколько можно судить по внешним признакам, из 4—5 отдельных комплексов, занимающих площадь около 1,5—2 га.

В течение 1971—1975 гг. Ошаканская археологическая экспедиция Института археологии и этнографии АН Армянской ССР производила раскопки в крепости на вершине холма Диди-конд, исследовала один из дворцовых комплексов на северном склоне малого холма, где

было обнаружено 15 жилых и хозяйственных сооружений и свыше 80 разновременных погребений, датируемых VIII в. до н. э.—III в. н. э. В результате раскопок были выявлены прекрасные памятники гражданской архитектуры, погребальные сооружения нескольких типов и большое количество предметов материальной культуры.

В настоящей статье анализируются материалы раскопок одного из интересных погребений Ошаканского могильника—№ 25, представлявшего собою крупный каменный склеп. Он находился в 300 м к северо-востоку от дворцового комплекса и был ориентирован с востока на запад с отклонением к северу до 40°. Внутренние размеры склепа 3,1 × 1,9 м, глубина—1,45 м. Стены его были выложены из туфовых блоков среднего размера и перекрыты тремя плитами (размерами 1,8 × 1,5 × 0,25; 1,8 × 1,0 × 0,29 и 1,8 × 1,0 × 0,25 м), которые, как и блоки стен, были вырублены здесь же, на месте естественных выходов пород красного туфа. До глубины 0,7 м склеп был пуст, в нижней же части лежала мягкая земля, в которой встречались мелкие камни, принесенные талыми водами, просочившимися сквозь щели перекрытия.

В склепе было обнаружено 27 скелетов очень плохой сохранности, находившихся в сидячем положении вплотную друг к другу, так что все помещение склепа было заполнено. Хотя скелеты сильно истлели, анатомический порядок костей не был нарушен, черепные кости находились непосредственно над костями таза и ног, лица погребенных были обращены на юго-восток. Столь плотное расположение костяков позволяет предположить, что умершие были похо-

¹ Թորմանյան Թորա Մանուկի, *Երևանի պատմություն*, 2-րդ թողովածու, Երևան, 1948, стр. 142, 220—224.